

алекс андр правик ов

александр правиков александр правиков александр правиков александр п
внутри картины • внутри картины • внутри кар

Воймега

александр правиков

внутри картины

Москва
«Воймега»
2013

УДК 821.161.1-1 Правиков
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
П68

дизайн серии: Сергей Труханов

А. Правиков
П68 Внутри картины. — М.: Воймега, 2013. — 64 с.
(серия «приближение»)

ISBN 978-5-7640-0138-8

Книга издана при поддержке Алексея Коровина.

© А. Правиков, текст, 2013
© С. Труханов, оформление, 2013
© «Воймега», 2013

• • •

Живёшь-живёшь и думаешь: живёшь.
Потом случается реальная засада
И жизнь в тебя вонзается, как нож.
Не слишком острый, но острее и не надо.

Тогда приоткрываются глаза,
Которые ты думал что открыты,
И видишь явственно, как блещет полоса,
Стекающая из разбитого корыта.

И понимаешь всё: и кто ты есть
(Никто), и то, что жизнь была лишь
Попыткой вспомнить — песню или весть?
И вспоминаешь весть. И забываешь.

• • •

Всё неправильно, лево и криво,
И уже не поправится.
Но зато как рябина красиво
За окошком качается.

Но зато как понятно она
Объясняется знаками
И со мной (я смотрю из окна),
И с помойными баками.

Помаши мне в окно, королева,
Неудачница, странница.
Всё неправильно, криво и лево.
Видно, так и останется.

Что останется? Ты, красота.
Даже в ржавчине, даже
В наготе, нищете и нелепости

Этих баков, дороги, куста.
Подмосковных пейзажей,
Перед МКАДом стоящих, как крепости.

• • •

Пока не начало сбываться,
Пока грядущее неведомо,
Как хорошо нам упиваться
Своими маленькими бедами.

Скучать друг с другом в тесной комнате,
Смотреть дурацкое кино, —
О, как нам это будет помниться,
Когда навалится оно.

И если, не дай Бог, докатится
До непридуманной беды,
За что ещё душа ухватится,
Опричь вот этой ерунды.

• • •

Жизнь не кончена. Просто на ощупь
Осязаема и на просвет
Проницаема. Как эта роща,
Постепенно сводима на нет.

Постепенно — вот главное слово,
А пока ещё в целом жива.
Но всё чаще на месте знакомых
И привычных стволов — синева...

• • •

Руки неба — в прожилках
Дубов, тополей, берёз.
Тощая тень, как пожитки,
У ног. Вменяем, тверёз
И даже почти не плачу —
Блудного рода сын
Возратившийся. Прячу
Лицо в благодать, в синь.

• • •

Надвинулась суровее закона
Гроза, и старый дом мигает окнами.
И тополя в потоке законном
Шевелятся, как звери допотопные:

Сначала как сквозь сон, едва-едва ещё,
А после всё сильнее и беспокойнее.
И чем помочь — и жалко утопающих —
И глаз не оторвать от их агонии.

• • •

Листья бродят толпой или, лучше, ордой,
Даже в пасмурный день — всё равно золотой,
Между пальцев уходит тепло.

Левитан облетает, но осень Марке
Не настала ещё, хоть и невдалеке
Притаилась уже за углом.

На простор и сырую прохладу вокруг
Не хватает ни слов, ни раскинутых рук.
В зябком воздухе — пепел и йод.

Что здесь может быть нового? Ну, листопад...
И когда поднимаешь глаза невпопад,
Красота электричеством бьёт.

• • •

Любимая, мы врозь.
Что делать, я не знаю.
Колючая, как ость,
Дрожит звезда больная
Над домом, где мы врозь.

Укрыты с головой,
Как знаменем пробитым,
И город — мой и твой,
И гонор — мой и твой,
И всё угрюмство быта,
И есть ли кто живой?

Всё оживёт с утра,
И вновь начнут маневры
Синицы во дворах,
Любовь, усталость, нервы.

• • •

Небо цвета старой побелки,
Облака сырого белья.
Я под душем тёплым и мелким
Отплываю к чужим краям.

Не ищите меня, не ищите,
Я отчалил на полчаса,
Как Гоген на своё Таити,
В небольшом железном корыте,
Сняв штаны и закрыв глаза.

• • •

На Тверском за рукав меня дёрнут;
В карманах пороюсь —
Пиитической дури
Нащупаю ломаный грош
И не глядя подам,
А потом обернусь — ну и новость:
Мой знакомый весенний,
Сквозь солнце просеянный дождь.

Как ботинки в апреле
Блестят у дождей — загляденье!
Мы ведь с ним земляки,
Дождик тоже был в небе рождён.
И чуть-чуть милосердия,
Если останутся деньги,
Я куплю у старухи,
Сидящей под этим дождём.

• • •

Я с близорукостью своей
Легко перегляжу Медузу —
Ну что уставилась, Медуза?
А всё же опущу глаза,
Поскольку вижу дальше Босха
(Поскольку я внутри картины).

Я вижу всё и понимаю —
Не должен я смотреть на это.
Но что же делать, коль я зрячий,
Хотя и сильно близорукий?
— Ты что уставился, козёл?

• • •

И сердце в пятках ноет, как земля,
Грунтовыми волнуемая водами,
Как будто бы московское метро
Во мне запело всеми переходами —

Волшебные и страшные шумы!
Затапливает, и деваться некуда,
Как будто бы московское метро
Своими ветками-калеками

В меня упало. Так чужая боль
Берёт за горло и отбиться нечем.
О, если б эта чёрная вода
И впрямь несла туда, где свет и встреча.

Куда она выносит — должен знать,
Кто выгрызал ходы, а я не знаю.
Я только еду, и во мне метро
Гудит, как рана — чёрная, сквозная.

• • •

Бунтарь-одиночка отправился в офис
И катится по кольцевой.
Нет, это не я, но вы видите пропасть
Над самой его головой?

Герой-одиночка спустился под землю,
Где люстры как тусклые нимбы,
Но эта, бездонней, чем сонное зелье,
Повсюду находится с ним.

Он утром проходит сквозь дверь туалета
И сквозь оцепление дня.
Ну да, это я, но бездонная эта,
Чего она ждёт от меня?

Не то умоляет, не то обвиняет
И пеплом башку серебрит.
Как в детской загадке: без ног догоняет
И без языка говорит.

Как будто на темечко капают воду,
Как будто читают букварь:
Ты больше себя, ты выше свободы,
Такой же, как всякая тварь.

• • •

Подслеповатый, лысоватый, нелепый, мандельштамоватый,
Сидит менеджер за компом в оцепенении тупом.
Вокруг менеджеры роятся, хотят купиться и продаться,
Лишь он один не покупает и ничего не продаёт,
А только песни сочиняет и страшным голосом поёт.
О, будь, фортуна, снисходительна, чей грех,
ответствуй, умоляем, —
Его или его родителей, что он родился разгильдяем?

• • •

Господи, следи за мною издали,
Как соборы Мурома и Суздаля.
Мне тяжёл и лёгкий шорох риз Твоих,
И невыносима правда уст Твоих.
Стал перед доской и говорю слова —
Хочешь — просто, хочешь — от Писания.
Промолчи, но только не бросай меня.
Или хочешь — брось, но сделай семечком...
Господи, я сам не знаю, что порю,
Чтобы заглушить Твоё молчание.

• • •

Солнце грело, и велию милость
Возвещал освящённый елей.
Духота как моление длилась:
«Исцели ны, спаси, пожалей».
И в открытые окна ломилась.

Как же, в страшное море несомым,
Не ловить нам кадилный туман,
Дым отечества, горнего дома?
В море — гибель, на суше — тюрьма.
Только небо осталось ещё нам.

Только где оно? Путаться в спорах,
И надежду, как компас, нести,
И, без сил, её бросить, как морок,
Потому что путей не найти,
Не плутал ты ещё на которых.

Кириллу Галкину и Алексею Дьячкову

Я есть пошёл, как Русская земля,
Неведомо куда, зачем, откуда,
И раздавал себя забавы для.
Мои деревья, водопады, руды —
Берите всё. Оставьте смерть мою.
Теперь я человек: вот две руки,
Вот ноги, на которых то стою,
То шляюсь, тридцатидвухлетний слепень,
И попираю, из чего был слеплен,
И волочу развязные шнурки.
Я был землёй. Я снова ею стану.
Та часть меня, которая чревата
Бессмертием, — мала, но и крылата,
Как семечко нательного креста.

праздничный ряд

Вход Господень

Всё так, как оно должно быть:

Толпа, зеваки,

Повсюду дети с ветками.

За благочестивыми спинами

Не видно Того, Кто.

Вот вроде мелькнул, удаляясь,

Край хитона, терпеливый ослиный бок.

Хоть на смоковницу лезь...

Господи, сын Давидов!

Богоявление

День всех хромых, сухих, иссохших, чающих движения воды.

Вот они мы стоим — пластмассовы наши бутылки,

Рты запеклись, пенсию задержали, прахом пошли труды —

До света очередь занята, ан опять впереди затылки.

Сил нет воевать, но нельзя пропустить маневры.

Вот Твоя армия, Господи, — в замёрзшем подобье парада.

Сколько лет в этом строю, хоть молись, хоть дерись, — а первым,

Первым ни разу, и вряд ли уже, и не надо.

Что ж тебе надо, потешных полков отстающий боец?
— А ничего мне не надо, Господи, воля Твоя святая.
То есть мне надо, надо, но только уже не здесь.

Здесьнего хватит, и так уже выше нормы.
Разве что мелочь какую на память взять, улетаю:
Дым этой вот ТЭЦ, снег вот над этой ж/д платформой.

Благовещение

Что Ти принесем, Богородице...

Монахи приносят Тебе
Трудный свет восковой, скрипучую радость поклонов.
Миряне — веселье чаемой Пасхи.
Апрель, неразумный, но верный, —
Серую шкурку последнего снега.
Жонглёр — выкрутасы и кувырки.
Синицы — пение назло запоздалому холоду.

А я что Тебе подарю?
Час-полтора на холодном ветру,
Капризы детей, благие намеренья, кашель.

Как завистливый мальчик,
Смотря на чужие подарки,
Топчусь со своим в уголке:
Отдать, не отдать?

Вознесение

...и наконец завершающий стежок.

Теперь уже накрепко,
На живую нитку,
Пришита к небесного цвета плащу
Смешная, маленькая, пузатая пуговица —
Третья от Солнца,
Потерянная и найденная.

• • •

Сельский батюшка надорвался: заблудил, запил.
Отмолить весь мир пытался, а себя забыл.
Сам донёс архиерею: недостойн, мол,
Находиться в алтаре, и от семьи ушёл.
Храм какого-то там века почернел, осел.
Раньше-то глядел калеккой, а теперь совсем.
Благочинный по субботам с матушкой одни
Полтора часа поют там, а в другие дни —
Никого.
Никто приходит. Голос без лица.
Около погоста бродит, около крыльца.
То дождём ступеньки мочит, то глядит на дверь:
Отче-отче, что ж ты, отче, как же быть теперь.
Отче, это я не камни — мне ли их кидать,
Это я хочу руками то, что не видать, —
Ухватить. Да не поймаешь. И больней всего —
Где на Пасху ты бываешь и на Рождество?

• • •

Мы с папой на кухне играли в поход,
Мне шёл дошкольный какой-то год.
Под столом у нас была понарошку
Палатка, в духовке пекли картошку...

Лет через десять к нему пришёл рак.
А я и тогда был уже дурак.
Ему оставалось всего ничего,
Но я не слышал его.

Теперь он мне ближе, чем был тогда.
Я с ним среди бела дня
Говорю... Что мои слова? Вода.
И он не слышит меня.

И вот моим детям в свой черёд
Почти не слышать отца
(Толку-то что он на них орёт?),
И этому нет конца.

Чувства привычнее глухоты
Нет у нас и прочнее нет.
Лишь Тот, с Которым все на Ты,
Слышит всё. И молчит в ответ.

• • •

По календарю — пора весенняя,
Но уже тепло без дураков.
Ученик, проспавший Вознесение,
Слушает рассказ учеников.

А они припоминают разности,
Шутки и речения Его.
Ученик не понимает радости,
Он не понимает ничего.

Есть такие — вечно отстающие,
Вроде изучившие маршрут,
Но и всё. И дальше не идущие.
Может быть, они и не умрут?

Что с такими будешь делать, Боже мой,
Как приидет царство? Не враги,
Не друзья... Я знаю, не положено,
Но Тебе ж всё можно, помоги.

• • •

Я во сне говорил на лету:
Отче мой и того идиота,
Что взорвался в аэропорту,
Ты и вправду глядишь, как погода,
На веселие и на беду

Равнодушно? Погоды стоят
Просто ах в эту зиму в столице:
Люди падают, щепки летят,
Снег под солнцем роскошно искрится —
И ни капельки не виноват.

Вправду, что ли, с Твоей высоты
Нет различий меж зёрнами в каше,
Так что повара руки чисты?
Или, втянут в безумие наше,
Гибнешь вместе с убитыми Ты?

Голосов я не слышал, конечно:
Больше дел у Создателя нет
Говорить с дураком обнаглевшим,
Но уже перед утром в ответ
Видел снег. И проснулся утешен.

• • •

Прутья в утреннем парке,
Напряжённно-нежны,
В высь кипящую погружены
Для крепчайшей заварки.

Пыль верёвочкой вьётся.
Вот уже на виду
То, что писано мне на роду,
То, что в песне поётся.

Без следа, в никуда
Невозвратно уходит вода,
Но река — остаётся.

Из тумана густого
Ты глядишь, далека,
Стоя с грязной пелёнкой в руках,
Как Наташа Ростова.

• • •

Счастья? Нет, я не о счастье,
Не такой уж я простак.
А немного — век ли, час ли —
Постоять ещё вот так:

Чтобы чудное светилось
Из фигур на потолке,
Чтобы билось, билось, билось
Огоньком на сквозняке,

Оживая. И, живое,
Вспоминало б: дом, огни,
То ли чьи-то руки, то ли...

Если есть покой и воля —
Это, видимо, они.

А иначе для чего я.

• • •

О да, не дай мне Бог с ума
Сойти в бездумный ад,
Когда на улицах зима
Свой рассыпает яд,

Свой незаметный порошок,
Минута — и сугроб.
Мне нравится, как хорошо
Поваплен этот гроб.

Позволь мне быть его жильцом,
Но домом не назвать.
И, как тяжёлый вещей сон,
Вовек не забывать,

Насколько на краю зимы,
На грани темноты
Бедны любовью наши «мы»
И верой — наши «Ты».

Ребёнок трескал сыр,
Усевшись по-турецки,
Не свесив ног босых
С больничной табуретки.
Набросив одеяло,
Девчонка ела сыр.
По сторонам сияла,
Не свесив ног босых:
Направо, в коридоре —
Медсёстры и врачи.
В окне — забор; в заборе —
Клок осени торчит...

А уж дальше, за забором
(Только это мы не видим),
По лесам гуляет осень,
Как лисица или лось.
И трава, кусты и листья,
И берёзы, и рябины,
Паутина, тучи, мох,
Даже ветер сыроватый —
Взглядом осень провожая,
Впитывают, отражают,
И сияют, и цветут —
Тихим заревом неярким,
Сладкой горечью прощанья,
Истлевающей улыбкой
И бессмертной красотой.

Оттого-то и ребёнок
На больничной табуретке
Во все стороны сияет —
И в больницу проникает
Через окна или стены
Лёгким золотом печаль.

• • •

Яко земля еси и в землю отыдеши,
аможе вси человецы пойдем.

Ибо — вянешь, как цвет на траве,
Как вода в решето
Канешь, ибо, как туз в рукаве,
То, что будет потом, —

Скрыто... Но разве зерно
Не пугается тошно и грубо,
Видя землю, в которой черно,
Как во рту, и голодные зубы?

Смерть и время растяг
То во мне, что в себе я не знаю,
Что взойдёт на костях,
Из земли развернётся, как знамя, —

И окажется мной. Из земли
В землю — да, чтобы ветки, о корни
Опираясь, могли
Вверх тянуться просторней.

• • •

Я видел свет.
Он был не слишком близко,
Раз я вернулся рассказать о нём.

Я не прожжён его огнём,
Не стал светиться,
Как он — лишь малость отогрет.

Не объясню (пожалуй, слов и нет),
Как горяча
Была державшая меня не то ладонь,

Не то огонь...
Но как молчать?

И говорю: «Я видел свет».

• • •

Ласточка, вермут, собака.
Полуночный вид на Оку.
Первая прянет из мрака
К бревенчатому потолку

Яркой сосновой веранды —
На конфетти, на клочки
Стричь одеяло прохлады,
Натянутое с реки

То ли на мнимую горечь
Вермута, то ли на весь
Разговор (эти «помнишь?..»),
Запущенный, как болезнь.

Из четверых, полукругом
Сумерничающих тут,
Двое нужны друг другу
И явно вот-вот уйдут,

Третий сейчас напьётся,
И в голове его ночь.
Последняя остаётся
Одна, и ей нечем помочь.

Вырезанный, железный
Остроугольный лес.
Ласточка, бесполезно.
Вермут, тебе конец.

• • •

Уснут любимые мои
В колодце ночи, в лунных клочьях,
Под осыпание хвои.
Как от себя ты ни таи
Себя — но ты опознан ночью
И дни отмерены твои.

Все дети верят в Дед-Мороза,
А дяди — в то, что всё враньё.
И в этом правда есть, но проза
И сказки — только часть её,
А полной правды лезвиё
Невыносимо без наркоза.

На то и ночь. Как из ведра,
Она течёт из чёрных окон
По обезлюдевшим дворам.
Какая чудная игра —
Противиться её потокам,
И не считать себя пророком,
И привыкать к её дарам.

• • •

Да разве могут дети юга...

И. Эренбург

Мы жили между горой и Чёрным
(А некто сказал — винноцветным) морем.
Городишко впивался в рёбра печёным

Камням узловатым татарским корнем.
Гора в морщинах была Ай-Петри,
И море вращало за горбом горб, не

Останавливаясь, но в километре
От нас притормаживая стада
Валов. Сюда просится рифма «ветре»,

И ветер был крепкий, что да, то да.
Он-то, видать, и занёс эти крохи
Летнего праздного жара — сюда,

Где дела тепла уже плохи,
Где осень вконец устала быть пёстрой,
Где ловящие на полуслове, на вдохе

Воздух угарный, сладимый, морозный,
Московский глядят холодам в окно —
Обнявшись. И помнят лето так остро,
Как детям юга оно не дано.

• • •

Жизнь моя, крыла календарные
Распустив, летит надо мной.
Вот он, день, боками янтарными,
Как упущенный надувной,
Промелькнул в окне. С подоконника
Перевесишься. Вздогнет ветка.
Под ногами силлабо-тоника,
Расшатавшаяся табуретка.
Вот ночное небо на тоненькой
Ветке пульса повисло знаменем
Изрешеченным. Силлабо-тоника,
Поскрипи ещё, не бросай меня.

• • •

Где бездна, звезд полна? С земли
Не видно ни одной.
Ночное небо отсекли
Нахмуренной спиной.

Верхи кричат низам: «Привет!
Ну как дела? Идут?» —
Не ведая, что связи нет
Промежду там и тут.

Пропала связь, оборвалась,
Но ты ответь им всё же.
Нам — их, а им не слышно нас,
Земля и небо схожи

Хотя бы в этом. Скажем вслух:
Из двух, ведущих эти
Беседы, каждый первый глух.
Но есть, по счастью, третий.

Собрат, судья, свидетель.

• • •

Когда ноябрьский ад отболит,
В снегу, заносящем всё,
Тощий таджик себе путь торит,
Метлу за собой везёт.

В тёмном дворе больше нет никто,
Только дворник-таджик
С метлой. Он по снегу писать не привык.
И выходит фиг знает что.

Но в посаде, куда ни одна нога,
Одни лишь ворожеи да выюга
Видят его следы,
А для них он не человек ни фига,
Просто кусок еды.

Дворник-чучмек роняет на снег
Последнюю крошку тепла.
Не может идти, переходит на бег,
Вдогонку бежит метла.

Горизонтик дырявый раскрыв над ним,
Летит на полшага сзади
Некто придерживающий нимб,
Похожий лицом на Саади.

• • •

И честертонову шарманку
во все регистры заведём.

Денис Новиков

Включён экран ж/к; дрожит поджилкой каждой
Мир, уловлённый в сеть, включённый в каталог.
Держи меня, держи, мой Честертон бумажный,
Мой радужный пузырь, мой пухлый ангелок.

В привычной суете, в тревоге неподъёмной,
В болоте ерунды и пошлости на льду
Ты мне пропасть не дашь, вития многотомный
(Тут я ввернуть хотел для рифмы про звезду).

Но ты же не звезда (ну разве что на ёлке),
Скорее уж мудрец, идущий за звездой.
Вертепный персонаж, картон в фольге и шёлке
С игрушечным мечом и ватной бородой.

И я ходил с мечом, потом подрос и сдался,
И я давил змею пластмассовым конём.
Потом пешком во взрослый мир. Он оказался
Таким, каким казался, как ты писал о нём.

• • •

Так бывает: окружит среда
И как море вокруг заволнуется.
И почувствуешь, стоя на улице,
Что не просто так вышел сюда,

Что вернулся из тура во времени,
Как тот горе-охотник у Брэдбери, —
Всё знакомо, но что-то не так.
То ли бабочка где-то раздавлена,
То ли галочка где-то поставлена.
И корёжит привычный бардак.

Где троллейбусы шли и автобусы —
Троллевозы ползут и октопусы.
Неоправданно много врачей.
И прохожие все криворожие,
В лужу глянешь — о Господи, кто же я?!
Так, спокойно. Начнём с мелочей —

Против хаосов и inferнальностей
Нет оружия лучше банальностей:
Выпьем чаю, попишем стишки.
Как известно любому растению,
Миром движет любовь, но терпение
Исправляет её косяки.

музыка подземных переходов

Музыку подземных переходов
Никогда не сыграть молодым,
Они даже слушать её не могут,
А быстрым шагом скорее наверх.

Да, не сыграть молодым,
И здоровым, и сытым, и трезвым,
Тут нужны корявые пальцы,
И гнилые зубы, и тёмное прошлое,
Но главное — отсутствие будущего.

Музыку подземных переходов
Обычно играют быстрее, чем нужно, —
Как будто время не ждёт,
И выдыхается пиво,
И нагревается водка, и менты уже на подлёте.

Или, наоборот, медленнее, чем нужно, —
Как будто всё уже поздно,
И водка нагрелась, и пиво выдохлось,
И менты уже тут как тут.

Под музыку подземных переходов,
Бессмысленную и беспощадную,
Под эти остервенелые вальсы
Не попляшешь — разве что перед смертью,
Разве что на костылях,
Разве что пьяным в жопу.

Нет, не потанцуешь — тут впору маршировать,
Или стоять столбом, или мотать по-скорому.
Но куда ты смотаешь, когда
Она лезет вверх, как дым горящих торфяников,
Стелется по Москве,
Достойна быть гимном России.

• • •

Кто бы знал, как достало уже
Перекликиваться в ЖЖ.
Вот случится опять революция —
В море вывезут нас на барже,

И тогда, гурьбой и гуртом
Коченея в пейзаже пустом,
Наконец мы спокойно сможем
Поболтать о сём и о том.

Время спето, нечем спешить,
Остаётся спокойно дожить.
Чтобы прошлое лучше горело,
Потихоньку его ворошить.

За Иванова или за Лит,
И без разницы, кто говорит.
Потому что кириллица станет
Неразборчивее, чем иврит.

И по мере того как сперва
Тает смысл, а потом — слова,
После — губы, на горизонте
Проясняются острова:

Острова, похожие на
Облака, похожие на
Острова, и растёт забвения
Окончательная волна.

• • •

Отравлен хлеб, и воздух тоже,
И второпях зовут отца.
А время, время — как из кожи,
Из рук выёживается.

Держу обеими руками.
Но что зависит от меня?
И ночь колотит кулаками
В стекло слабеющего дня,

И, как опричники, по дому
Разгуливают сквозняки.
Скажи кому-нибудь другому,
Что мы не очень далеки.

Родиться заново? Да где ж ты
Слонялась, бедная душа?
Но я зову поверх надежды,
Как дети, в избу прибежа...

• • •

Какой сиротский угол неба
Над остановкой «Детский сад»,
Там люди из набора «Лего»
Торопятся вперёд-назад,

И я один из них. А выше,
Невидимый за облаками,
На небе самолётик вышит
Двумя скрещёнными стёжками.

Лети, придуманный отшельник,
И хвост расплывчатый влачи,
Неуловимый, как мошенник,
Как тать в евангельской ночи.

Сиротски угольны те бездны,
Темна во облацех вода.
Блести же корпусом железным
И говори, что ты звезда.

• • •

Вот жил-жил человек и умер, а всё-таки жив.
Неожиданно смерть перестала быть смертью, а стала сон.
Человек лежит под землёй, руки сложив,
И земля обнимает его со всех сторон.

Он лежит пытается вспомнить: а жизнь была?
А если была, то с кем, а с кем только делала вид?
Кто кому больше: он ей, она ли ему лгала?
И не может припомнить, а над землёй стоит

Прекрасная необязательная печаль
В высоком, немного заржавленном сентябре.
Дворник держит метлу, похожую на пищаль,
Но точку пока не ставит. Тире — отдохнёт — тире.

• • •

Путешествия нас от стола до стола
В продолжение вечера.
Хаотично кружащаяся, как юла,
Жизнь однажды заверчена

И однажды повалится — это ж завод,
Он и должен был кончиться.
Перспектива ясна... Аж скрутило живот,
Как её мне не хочется.

И впервой замерла, истощась, расточась,
Обесмыслев, ирония.
И пойми — то ли ночь пролетела за час,
То ли жизнь проворонена,

Вот и лопнуло время, как будто струна,
И в наставшее вечное
Не забрать ничего, кроме нежности, нам,
Кроме нежности — нечего.

• • •

Дым отечества бывает разным,
Разным и отечество бывает:
Еле видимым, рельефным, чистым, грязным,
Тающим и тем, что убивает —

Дымом не подышишь, это ясно...
Но дышать не так необходимо,
Как смотреть из окон за прекрасным
В небо поднимающимся дымом.

Мы с небес, смешные человечки.
Тут зима, и хочется обратно.
Вот зачем так сладки и приятны
Эти перья, завитки, колечки.

• • •

Я клон человека, один из трёхсот
Тысяч дешёвых копий,
Сработанных для тяжёлых работ
В галактической жопе.

Всё, что я помню о дальней Земле, —
Ложная память, фантом.
Я виновен уж тем, что я есть, и вот —
Искупаю вину трудом.

Всё, что я знаю моим, — не моё,
Будь то болезни детства,
Любовь или смерть родных, — враньё,
Присвоенное наследство.

И всё-таки каждый из тысяч нас,
Изношенный, жалкий,
Кого инженерный гений припас
Для космической свалки —

Человек, что бы ни означал
Сей ненаучный термин.
Каждый отчаивался и скучал,
Веру мешал с неверьем —

Чем не резон? Как ни вздорен он,
Мне лично другой не нужен.
А правда всплывёт, когда мы умрём.
...Или всё же отслужим.

европейская ночь

Не то Париж, не то Варшава, час приблизительно четвёртый,
Луна недвижима, как овощ, все кабаки закрыты на ночь.
И лишь в последнем у заставы над изрисованной скатёркой
Сидят Георгий Адамович и Владислав Фелицианч.

О, эти папиросы, эти холодно-вежливые лица.
О, эти контрвозраженья, оспоренные многократно.
Они и не заметят смерти, пока для них не завершится
Не находящий разрешенья спор между истиной и правдой.

• • •

Будем хотя бы честны,
Хоть это и бесполезно,
Если из-за спины
Вдруг окликает бездна.

Словно бы поезд ночной
Фарами бьёт по кронам
Выше голов спиной
Стоящих. Вольно воронам:

Порх, и со стороны
Им эти дела видны.

Позанимали ветки —
И довольны собой
И хорошим обзором.

Типа искусствоведки,
Обсуждают наш бой
С кровью его и позором.

Толком не видя его —
Что можно увидеть сверху?
В боли — пищу для смеха,
В любви — вообще ничего,

Так, копошение тел
Под снеговым одеялом.
Кто разглядит нас? Мало
Таких. Да и мы не те.

• • •

Ловец уловил золотую рыбку
И выпустил на песок.
Дыши, говорит, привыкай, ты теперь
Не карась, а новая тварь.
А рыбке совсем нечем дышать,
И рот у неё пересох,
Ультрамарин плавников почернел,
Побелела глаз киноварь.

«У тебя, рыбка, максимум полчаса —
Пожалей себя, изменись.
А то голодное летнее солнце
Мигом сожжёт тебя всю.
Отращивай ноги и двигай вдаль
Или крылья и двигай ввысь.
То, что снова в воду уже не войти,
Понятно и карасю».

Так говорит ловец — а он справедлив,
И мудрей его нет никого.
Это знают Вилдад, Елифаз и Софар...
Да вообще любой.
А рыбка думает... Нет, она
Не думает ничего.
И мозг ей ещё предстоит отрастить
В неравной борьбе с собой.

• • •

Мимо сумерк, падающих на,
Мимо луж, кидającychся под,
Прямо мимо вашего окна
Лошадь говорящая идёт.

Лошадь ничего не говорит,
Кроме и-го-го да бу-бу-бу.
До того усталая на вид,
Что хватило б силы на ходьбу.

В накриво застёгнутом пальто,
С мордой словно у глухонемой,
В офисе наговорилась до,
А теперь ей хочется домой.

• • •

Животные похожи на хозяев,
Снеговики похожи на детей:
Слепить легко, а удержать нельзя их
От всяческих ребяческих затей.

Под вечер на площадке хулиганят,
А утром их и вовсе не найдёте.
Они с водой сквозь пальцы убегают,
Участвуя в её круговороте.

А в марте неожиданно запнётся
Шагающий из школы ученик,
Когда ему из лужи улыбнётся
Зимою сотворённый снеговик.

На Вы

У меня для вас нету приличных слов, поэтому будем на «вы».
Лепите себе что хотите из бывшей моей Москвы:

Хоть кучу говна, хоть гознаковских кучу рублей.
Я только с собой унесу весенних кусок Гоголей.

Берите всё, а мне ничего не надо.
Вот разве запущенный угол Нескучного сада.

Все вещи, которые можно отнять, в общем-то, и не нужны,
Стройте себе что хотите из бывшей моей страны.

Да вы ведь уже и сделали с ней все мерзости, что смогли.
Слепите уже себе памятник из бывшей моей земли.

Да, это просто офисный трёп, асечное бла-бла,
Да, я всего лишь играю словами в ответ на ваши дела.

Потому что в реальных вещах вы бессильны — и вот моя
Настоящая родина (руки прочь): память, язык, семья.

• • •

Тепло из дедовского синего ведра
В апреле вновь на землю пролито.
И зелень ранняя над городом возшла —
Благословенная над проклятым.

Не знают отродясь, куда гребут
Всегда усталые галерники,
И даже детские площадки тут
Похожи на ландшафты Герники.

У нас глаза тупые, как ножи,
Мы жрём картон и любим нервами,
Не знаю, кто бы смог здесь жить,
Когда б не эта зелень первая.

Зелёная звезда, свет тайный твой,
В корпускулы рассеянный,
Но всё ещё зелёный столъ,
Что ближе к золоту, чем к зелени,

Зелёный свет, со страшной высоты
Упавший в каменные улицы,
Тобой пропитаны газоны и кусты
И те, кто в них целуется,

Гуляет или так. Блаженны те из нас,
Успевшие застать его,
Тепло, согревшее одиннадцатый час,
Светло короткое, остатнее.

• • •

Река называлась *москварека* —
Вот именно так, не Москва-
Река. Мельтешенье комариков,
Примятая шиной трава.

И кожаный мяч обязательно,
Чтоб взяли с большими играть.
Кончалось футболище затемно,
Когда и ворот не видать.

Давно это было, я спутался,
Забыл и команды, и счёт.
Что было ещё, кроме глупостей?
Ведь было же что-то ещё.

А дача? Да каждую трещину...
Ведь он ещё жив, этот дом.
Вот выскажешься — будет легче, но
Опять говоришь не о том.

эффект нечётных строк

Александр Правиков до сих пор был больше известен читающей публике как критик и переводчик. Несколько лет назад у него вышла небольшая книжка переводов Честертона, а его критические статьи и рецензии можно найти в журналах — и толстых, и сетевых. Но прежде всего Александр Правиков — поэт. Мы знакомы с Сашей уже больше десяти лет — сначала учились вместе в Литературном институте (в котором через положенные шесть заочных лет он так и не захотел защитить диплом), а теперь — разделённые километрами — продолжаем общаться виртуально, причем это виртуальное общение или, скорее даже, присутствие в общем информационном, сетевом пространстве сейчас стало для меня даже более осязаемым и значимым, чем в годы учёбы, когда мы могли видеться относительно часто. Странно, но это чувство — плеча, молчаливой и, казалось бы, вполне условной поддержки в несколько фейсбучных «лайков» в месяц — согревает и радует. За это время Правиков раскрылся для меня как поэт — негромкий, наполненный внутренними сомнениями (а как иначе?), но исключительно глубокий и интересный.

«Идёт бычок, качается, вздыхает на ходу...» — в этом каждому с детства знакомом стишке-считалке не возникает вопроса, а почему, собственно, бычок идёт по дощечке? По какой вообще дощечке? Жёрдочке? Хлипкому настилу над землёй? Почему же не по самой земле? Что такое с нашей землёй, если возможно (удобней? безопасней?) идти только по доске над ней? Применительно к стихотворению Агнии Барто мои личные ассоциации всё-таки не слишком апокалиптичны, предположим: соседи затопили и по колено воды. И с досочки — на тумбочку, с тумбочки — на диван, с дивана — на подоконник, с подоконника — на табурет. Но, может быть, всё куда как серьёзнее у нашего бычка? Земля в огне пожара, в воде потопа? Ведь иначе как, почему, зачем можно предпочесть тверди — заведомо неустойчивое, раскачивающееся, зыбкое?

Почему даже при относительно жизненной устроенности и укоренённости поэт, что тот бычок, упрямо предпочитает ходить по досочкам? Потому ли, что прожитый день (читай — жизнь), как «упущенный надувной» воздушный шарик, можно поймать, лишь свесившись с подоконника, прыжком изменив в пространстве и во времени своё положение — с твёрдой земли под ногами — на шаткую табуретку стиха?

Вот он, день, боками янтарными,
Как упущенный надувной,
Промелькнул в окне. С подоконника
Перевесишься. Вздогнет ветка.
Под ногами силлабо-тоника,
Расшатавшаяся табуретка.

То есть достичь душевного (духовного) равновесия возможно, только на несколько кратких мгновений потеряв привычное равновесие физическое под ногами. Или, напротив, вся эта эквилибристика нужна, чтобы случайно не сорваться, не упорхнуть, а удержаться за «скрипящую силлабо-тонику» стиха? Не потому ли, что, балансируя на шаткой конструкции, оказываешься в итоге гораздо более прочно связанным с землёй, чем уверенно шагая на своих двоих? (Как тут не вспомнить цветаевское: «Остановись! — В небо ступнёшь!»?)

Правиков не только понимает всю прочность (и одновременно — шаткость) силлабо-тоники, но он ещё и намеренно её раскачивает, ломает привычную четырёхстрочную структуру строфы, по своему усмотрению то убирая одну строку и балансируя на трёх, то добавляя пятую. Трёхногая табуретка гораздо менее устойчива, чем стоящая на четырёх ногах, но и пятая строфа, вопреки кажущемуся арифметическому превосходству, не добавляет прочности.

Помаши мне в окно, королева,
Неудачница, странница,
Всё неправильно, криво и лево,
Видно, так и останется.

И всё же, несмотря на эту поэтическую эквилибристику, лирический мир Правикова на редкость гармоничен. Лирический герой и «внутри картины» живёт, а не рисуется, и разрешает себе быть «нелепым, мандельштамоватым», и не стесняется оказаться «говорящей лошадей», и понимает, что «против хаосов и inferнальностей нет оружия лучше банальностей». И ещё осознаёт, что попытка говорения не может быть неудачной в принципе, по определению.

...Да каждую трещину...
Ведь он ещё жив, этот дом.
Вот выскажешься — будет легче, но
Опять говоришь не о том.

И вопросов больше, чем ответов. И как в банальном и привычном расшифровать, не упустить этот несомненно существующий, но столь неявно явленный нам божественный ответ? Как за суетой заметить приход того самого — обыкновенного — чуда?

Прекрасная необязательная печаль
В высоком, немного заржавленном сентябре.
Дворник держит метлу, похожую на пиццаль,
Но точку пока не ставит. Тире — отдохнёт — тире.

И не нужно никакой окончательной точки, потому что её нет.

Ната Сучкова

Содержание

«Живёшь-живёшь и думаешь: живёшь...»	3
«Всё неправильно, лево и криво...»	4
«Пока не начало сбываться...»	5
«Жизнь не кончена. Просто на ощупь...»	6
«Руки неба — в прожилках...»	7
«Надвинулась суровее закона...»	8
«Листья бродят толпой или, лучше, ордой...»	9
«Любимая, мы взрыз...»	10
«Небо цвета старой побелки...»	11
«На Тверском за рукав меня дёрнут...»	12
«Я с близорукостью своей...»	13
«И сердце в пятках ноет, как земля...»	14
«Бунтарь-одиночка отправился в офис...»	15
«Подслеповатый, лысоватый...»	16
«Господи, следи за мною издали...»	17
«Солнце грело, и велию милость...»	18
«Я есть пошёл, как Русская земля...»	19
Праздничный ряд	
Вход Господень	20
Богоявление	20
Благовещение	21
Вознесение	22
«Сельский батька надорвался: заблудил, запил...»	23
«Мы с папой на кухне играли в поход...»	24
«По календарю — пора весенняя...»	25
«Я во сне говорил на лету...»	26
«Пругья в утреннем парке...»	27
«Счастья? Нет, я не о счастье...»	28
«О да, не дай мне Бог с ума...»	29
«Ребёнок трескал сыр...»	30
«Ибо — вянешь, как цвет на траве...»	32

«Я видел свет...»	33
«Ласточка, вермут, собака...»	34
«Уснул любимые мои...»	35
«Мы жили между горой и Чёрным...»	36
«Жизнь моя, крыла календарные...»	37
«Где бездна, звезд полна? С земли...»	38
«Когда ноябрьский ад отболит...»	39
«Включён экран ж/к; дрожит поджилкой каждой...»	40
«Так бывает: окружит среда...»	41
Музыка подземных переходов	42
«Кто бы знал, как достало уже...»	44
«Отравлен хлеб, и воздух тоже...»	45
«Какой сиротский угол неба...»	46
«Вот жил-жил человек и умер, а всё-таки жив...»	47
«Путешествия нас от стола до стола...»	48
«Дым отечества бывает разным...»	49
«Я клон человека, один из трёхсот...»	50
Европейская ночь	51
«Будем хотя бы честны...»	52
«Ловец уловил золотую рыбку...»	53
«Мимо сумерк, падающих на...»	54
«Животные похожи на хозяев...»	55
На вы	56
«тепло из дедовского синего ведра...»	57
«Река называлась москварека...»	58
<i>Ната Сучкова. Эффект нечётных строк</i>	59

Александр Правиков. Внутри картины

возрастная категория 16+

редактор, составитель:

А. Переверзин

художник:

С. Труханов

корректор, технический редактор:

О. Тузова

издательство «Воймега»

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 5.04.2013. Формат издания 60×90 1/16

Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4.

Тираж 400 экз.

Сия *справка, книжка, непонятная штука* (нужное подчеркнуть)
дана Александру Правикову, жителю города Химок 38-ми лет, в том, что
он действительно *поэт, шут гороховый, влажная морщинистая*
фитюлька (нужное подчеркнуть), для предъявления *властям зем-*
ным, властям небесным, всем, самому себе (нужное подчеркнуть).

андр правиков александр правиков александр правиков александр правиков
и картины • внутри картины • внутри картины